

Библиографический список

1. *Портеле Г., Хубер Л.* Высшая школа и развитие личности. Педагогическая энциклопедия. Штутгарт/Дрезден, 1995. Т. 10. С. 92–113.
2. *Мюллер-Форбротт Г., Глоетта В., Дани Х.-Д.* Профессиональный шок у молодых учителей // Швейцарская конференция областного управления образования «Профессиональное введение учителей. Штутгарт, 1978.
3. <http://www.edk.ch/PDF/Downloads/Dossiers/D40A.pdf> (Берн, 1996). *Вагнер В.* Информация для первого семестра специальности «Социальные науки» (Высшая школа Эрфурт) erfurt.de/so/studium/erstsemester/erstsemester.html (2001); *Терхард Е.* Профессия учителя и образование учителя. Вангейм, Базель: Бельтц, 2001.

К.В. Кузьмин (Екатеринбург)

Опыт критического осмысления содержания дисциплины «Теория социальной работы»

Новая специальность – социальная работа – появилась на российском рынке профессиональных услуг сравнительно недавно и неслучайно вызывает вполне оправданный и зачастую конъюнктурный к ней интерес. В 2001 г. в Москве прошел I Всероссийский научно-педагогический социальный конгресс, посвященный 300-летию социальной работы в России (роскошно изданный Московским государственным социальным университетом «Хронограф» по данному поводу повествовал о том, что, оказывается, в 1701 г. было открыто в Москве несколько богаделен да возобновил свою деятельность Монастырский приказ, что свидетельствовало о начале социальной работе в Отечестве нашем).

Стало быть, в текущем году исполнится уже 302 года: юбилей – не круглый, но ведь можно найти и другие подходящие даты: например, 996 г., когда появился Устав Владимира Святого, или 1551 г., когда прошел Стоглавый собор, и на нем обсуждались проблемы социального призрения и т. д. и т. п. (может, возьмем за точку отсчета Соборное уложение 1649 г., или Высочайший Манифест «Учреждение для управления губерний» 1775 г., или Земское Положение 1864 г., или дату создания Наркомата социального призрения в 1917 г., или что-то еще?)

В минувшем 2002 г. в Уральском государственном педагогическом университете прошла международная конференция, посвященная почему-то 10-летию социальной работы в России. Дат юбилейных у нас много: в минувшем году отпразднуем 300-летие, в нынешнем –

10-летие, а в будущем, может быть, сразу 1000-летие? Более благоразумно, на наш взгляд, поступили в Саратове, посвятив Летнюю школу 2001 г. «Социальная работа, социальная политика и права человека» 10-летию социальной работы в Саратовском государственном техническом университете. Приземленно, конечно, но рационально.

Но, тем не менее, специальность «социальная работа» стала востребованной, в первую очередь в связи с теми трудностями переходного периода, какие переживает современное российское общество, что, кстати, наложило отпечаток и на характер подготовки специалистов в высших учебных заведениях. Признание и на государственном, властном уровне стало немаловажным фактором в указанном плане. Появление в 2001 г. Дня социального работника, вне всякого сомнения, конституировало социальную работу и на формальном уровне, хотя, в то же самое время, привело к развитию той негативной тенденции, когда функционал социального работника и функционал специалиста по социальной работе фактически стал тождествен.

Иными словами, на практике происходит уравнивание функций работника сферы социального обслуживания и специалистов по социальной работе, когда традиционными объектами социальной работе ставится кто угодно, но не те, кто испытывают стратификационные трудности, вызванные изменениями в социальном и жизненном статусе. Тем самым, в будущем представляется и вовсе безрадостная картина, когда специалисты по социальной работе будут «загатавливаться» для Министерства труда и социального развития по тому же штампу, что инженеры железнодорожного транспорта для Министерства путей сообщения. Инженеры человеческих душ станут некими раздатчиками безликих социальных пособий и льгот, следуя букве параграфов сотен и сотен положений и инструкций.

Основной проблемой, на наш взгляд, является то, что социальная работа понимается в обыденном сознании именно как сфера социального обслуживания и не более того. Ведь, если мы откроем любое пособие по социальной работе для высших учебных заведений, увидим, что целью социальной работы является помощь нуждающимся слоям населения. Но ведь не надо забывать, что общество никакой рациональной потребности в заботе о нуждающихся не испытывает.

И надо оставить здесь в стороне всякие эмоции и рассуждения об абстрактном добре: общественное устройство рационально, и оно не приемлет того, что нарушает равновесие и стабильность. Помогая нуждающимся, общество исходит из глубоко разумных соображений: древнегреческая литургия была направлена на увеличение популярности жертвующего на общественные нужды; средневековая милостыня исполняла потребность к отпущению грехов; в Новое время основным

объектом социальной помощи стали «стыдящиеся бедняки» – люди нуждающиеся, но честно трудящиеся и испытывающие крайнюю нужду, а в 1980-е гг. в Англии прошла дискуссия о бедняках, достойных общественной помощи и ее недостойных.

Так что же есть «социальная работа»? Прибегнем к казуистике: «social work» в переводе на русский – «социальная работа», а может быть – «общественная деятельность» или «общественная практика»? В этом кроется, по нашему мнению, истина. Социальная работа выступает, в первую очередь, как общественная практика, выражающая потребность общества к стабильности и внутреннему равновесию. В данном случае, социальная работа – это инстинктивная реакция общества на появляющиеся раздражители с целью нахождения путей к средствам внутренней амортизации. Любое общество инстинктивно стремится к стабильности, пытаясь предостеречь себя от возможных социальных потрясений и взрывов. В этом смысле социальная работа на инстинктивном уровне может рассматриваться как превентивные мероприятия по предотвращению возможного зла (зла, понимаемого и рационально, и чувственно).

И потому бессмысленно искать дату начала социальной работы. Если социальная работа – есть спутник общества, то нет возможности отыскать ее начало и конец. Так в чем же тогда смысл подготовки профессионалов – специалистов по социальной работе в высшем учебном заведении?

Необходимо критически осмыслить то, что дают в плане профессиональной подготовки специалиста при изучении теории социальной работы и отказаться, наконец, от пресловутой идеи фикс, присущей большинству наших учебников, учебных пособий, справочников и научных изданий, что появление на рубеже XIX – XX вв. сочинений Мэри Элен Ричмонд и ознаменовало собою возникновение теории. В вышедшей в 2000 г. «Социальной энциклопедии» отмечается, что «Мэри Ричмонд (1861–1928), представительница консервативных взглядов, ...заложила основы будущей теории и практики социальной работы» [1, с. 350]. Однако, на наш взгляд, появление теории социальной работы стало естественным результатом действия, по меньшей мере, 4 важнейших факторов.

Первым таким фактором стало оформление двух традиций в философско-этическом осмыслении понятий «благо» и «благотворительность». Кстати, вокруг последнего понятия в современной литературе царит полнейшая неопределенность.

Вот какое определение благотворительности дает та же «Социальная энциклопедия»: «Благотворительность – общечеловеческое движение, включающее совокупность гуманитарных действий отдель-

ного человека, организаций, обществ и т. д. В их основе – *стремление проявить любовь* не только к ближнему, но к незнакомому человеку, оказать безвозмездную материальную, финансовую помощь нуждающимся и социально не защищенным гражданам. В современном понимании благотворительность означает предоставление помощи лицам и организациям, участие в улучшении жизни больных и бедняков, немощных и отвергнутых жизнью. В широком смысле благотворительность – поддержка программ общественно важных форм деятельности (борьба с опасными заболеваниями, охрана окружающей среды, развитие науки, образования, здравоохранения, культуры и т. д.). В *основе* благотворительности лежит *мотивация* людей, *испытывающих сострадание* к людям, потребность во взаимной поддержке и помощи. Благотворительность призвана восполнить или дополнить усилия государства в отношении *социальной заботы* о людях. В истории человечества благотворительность всегда играла большую позитивную роль, укрепляя *морально-нравственные устои* общества» [1, с. 45. – *курсив наш*].

Налицо же здесь – путаница и подмена понятий. Фактически, под термином «благотворительность» понимается «милосердие», «сострадание», «социальная забота», а в основе благотворительности оказывается *иррациональная* мотивация людей к состраданию по отношению к обездоленным и нуждающимся. Отсюда появляются вполне естественные вопросы:

1. Если таковая мотивация – *иррациональна*, то при чем здесь «позитивная роль», которую благотворительность «всегда играла» в истории человечества?

2. Если в основе благотворительности лежит бессознательное стремление любить «ближнего своего» (т. е. – обездоленного, неизлечимо больного, бедняка и т. п.), то в чем причины, побуждающие общество проявлять такую любовь?

3. Если благотворительность есть «общечеловеческое движение, включающее совокупность гуманитарных действий отдельного человека, организаций, обществ и т. д.», то каким образом она призвана восполнить «недостаток» любви к ближнему и заботы о нем со стороны государства? А стало быть, сочетание «государственная благотворительность» – нонсенс?

4. Если смысл благотворительности заключается в передаче *благ* нуждающимся слоям, то в чем содержание названных благ?

5. Если целью благотворительной деятельности является оказание *безвозмездной* помощи нуждающимся, то в чем же тогда ее позитивность? Иными словами, благотворительность способствует воспроиз-

водству депривационного цикла бедности, плодя и распространяя иждивенческие настроения?

На наш взгляд, благотворительность есть многоаспектное явление, в основе которого лежит стремление государства и общества к равновесию, к социальному миру и стабильности. Нуждающиеся слои населения – суть элементы, несущие негативный заряд и потенциально способные нарушить равновесие в обществе. Отсюда, цель благотворительной деятельности – нейтрализация названного разрушительного потенциала. (В этой связи, приведенные выше определения благотворительности созвучны с милостыней, раздаваемой нуждающимся с целью очищения от грехов. В современном звучании – «укрепления морально-нравственных устоев общества»).

Ясность здесь способно внести обращение к философско-этическому осмыслению понятия «благо». В Новое время (XVI–XIX вв.) складываются две основные традиции в трактовке данного феномена. Первая традиция исходила из того, что в основе человеческих добродетелей лежит *разумное* начало, вторая же выводила добродетели из начала *эмоционально-чувственного*. Принципиальная разница двух трактовок состоит в том, что совершенно различно понимается процесс формирования индивидуальных добродетелей: в первой традиции они являются результатом воздействия на человека общественной среды, во второй же – добродетели суть врожденные качества конкретного человека.

Для понимания сущности теории социальной работы существование двух названных традиций является принципиальным: при том, что основным объектом социальной работы является человек, индивид, его значимость и ценность в практике деятельности специалиста по социальной работе различны. В первом случае (при понимании блага как разумного начала) при соотношении интересов государства (общества) и индивида для специалиста по социальной работе первичны интересы государства, и он будет стремиться к тому, чтобы заставить своего клиента действовать и поступать так, как угодно обществу в целом в его стремлении к наиболее рациональному устройству и стабильности. Во втором случае (при понимании блага как эмоционально-чувственного начала) первичными становятся уже интересы конкретного человека, и здесь специалист по социальной работе будет исходить в своей деятельности, опираясь именно на это начало.

Вторым фактором формирования теории социальной работы является, на наш взгляд, оформление понятия «общественный долг» помощи нуждающимся в рамках дискуссии по проблемам благотворительности, прошедшей во Франции в 1760–1770-е гг. Об этой дискуссии наши учебники по теории социальной работы даже не упоминают, хотя

следует признать, что именно эта дискуссия стала фактически первой научной полемикой по данной проблематике. Сами выводы дискуссии являются принципиальными для понимания сущности социальной работы уже на сознательном уровне, а именно: выводы о том, что свобода перемещения в социальной пространстве является главной формой благотворительности; о том, что забота о больных людях оказывается естественным долгом общества с целью предупреждения его саморазрушения; о том, что сострадание имеет естественные пределы, зависящие от действия сил притяжения и отталкивания, и является чувством преходящим и т. д.

Но все же главным итогом названной дискуссии стало то, что в ее рамках конституируется понятие «общественный долг». И этот факт нужно признать переломным в развитии цивилизованного общества. Впервые долг помощи нуждающимся оформляется на сознательном уровне как необходимая мера в целях сохранения стабильности и социального равновесия. В то же время, общественный долг в понимании участников дискуссии 1760–1770-х гг. трактуется двояко. С одной стороны, он понимается как *долг государства, общества в целом* оказывать помощь нуждающимся, и здесь на первый план в этом процессе выходят интересы государства и общества; с другой стороны, общественный долг понимается как *долг общественного человека*, и в данном случае на первый план выдвигаются интересы отдельного человека как объекта помощи.

Можно заметить, что наличие двух философских традиций в понимании блага и оформление двух трактовок общественного долга взаимосвязаны. Иными словами, первая трактовка общественного долга как долга государства, общества базируется на понимании блага как разумного начала; вторая же трактовка как долга общественного человека – на понимании блага как эмоционально-чувственного начала. Что здесь является наиболее значимым для понимания теории социальной работы? То, что появление двух трактовок общественного долга закладывают фундамент для формирования на рубеже XIX–XX вв. двух основных моделей социальной работы.

И здесь прослеживается четкая логическая связь: благо как разумное начало – общественный долг как долг государства, общества – репродуктивная модель социальной работы; благо как эмоционально-чувственное начало – общественный долг как долг общественного человека – радикальная модель социальной работы. Наличие указанной связи обуславливает место интересов государства и интересов индивида в рамках двух названных моделей.

Третьим фактором формирования теории социальной работы стало оформление социальной работы в рамках профессиональной дея-

тельности. И здесь вновь не надо заниматься подменой понятий: речь идет о появлении профессиональной деятельности, а не о деятельности образовательной. Присвоение квалификации специалиста по социальной работе это сфера образования, но не профессиональной деятельности.

На наш взгляд, оформление социальной работы как профессиональной деятельности наблюдается на рубеже XVIII–XIX вв. в рамках процесса присвоения социальных функций представителям традиционных профессий. Неслучайно в англо-американской традиции социальная работа отнесена не к разряду «professions» («профессии»), а к разряду «occupations» («занятия»). Ярким примером может здесь послужить появление в этот период новой фигуры в практической медицине – фигуры участкового врача. Неслучайно один из прожектеров Великой французской революции Сабаро де Л'Аверньер отождествил функции участкового врача и священника. В данном случае утешение душ и облегчение страданий становятся, в первую очередь, функциями социальными, способствующими естественному и гармоничному единству двух составляющих – души и тела.

Другим примером является деятельность парижских приходских благотворительных обществ, возникших также на рубеже XVIII–XIX вв. Работники данных обществ были обязаны посещать бедняков не только с целью оказания необходимой материальной помощи, но, что не менее важно, для сбора сведений: о наличии постоянного жилья, знании молитв, посещения церкви для исповеди и причастия, владения ремеслом, нравственности («не впали ли они в бедность по собственной вине?») и т. п.

Наконец, можно вспомнить оформление института тюремных инспекторов в США в начале XIX в., не являвшихся работниками тюрьмы, а назначавшихся местными властями. Основной обязанностью инспекторов стало наблюдение за поведением преступников и проведение мероприятий по их перевоспитанию. Неслучайно именно тюремные инспектора обязаны были «беседовать с преступниками об их долге перед людьми и обществом».

Четвертым фактором формирования теории социальной работы стало появление неразрешимого противоречия, порожденного созданной в середине XIX в. новой моделью социальной помощи, получившей в литературе название «карцерной». Смысл данной модели, благополучно дожившей до нашего времени, состоял в создании разветвленной сети специализированных благотворительных заведений, оказывавших адресную помощь нуждающимся. В рамках «карцерной» модели место каждого человека является строго определенным: трудоспособные бедняки должны работать на заводах и фабриках, принося

пользу обществу; неизлечимо больные и безумцы должны находиться в больницах и клиниках; дети – в приютах, благотворительных школах и колониях; одинокие, немощные старики – в богадельнях; преступники – в тюрьмах и т. д. Бесперебойное функционирование данной модели административный и картельный аппарат (служба правосудия, полиция, армия, благотворительные общества и др.)

В результате возникает крайне причудливый и противоречивый симбиоз: наказание и сострадание сливаются воедино. Противоречие же «карцерной» модели социальной помощи заключается, на наш взгляд, в том, что призванные оказывать и оказывающие необходимую помощь нуждающимся благотворительные заведения противодействуют реальной социализации человека, определяя ему место в иерархической сословной системе и препятствуя развитию социальной мобильности в обществе. Иными словами, результатом функционирования «карцерной» модели социальной помощи является воспроизводство бедности.

Таковы, как нам кажется, основные факторы, способствовавшие формированию теории социальной работы, и такое представление об их сущности будет способствовать критическому переосмыслению содержания учебного курса «Теория социальной работы» в рамках высшего профессионального образования.

Библиографический список

1. Социальная энциклопедия. М., 2000.

М.А. Беляева (Екатеринбург)

Осмысление проблемы содержания дисциплины «Теория социальной работы»

Дисциплина «Теория социальной работы» является основополагающей учебной дисциплиной в процессе подготовки специалистов по социальной работе и, в конечном счете, определяющей уровень профессионализма будущих специалистов. Новизна специальности «Социальная работа» в нашем обществе, незрелость одноименной науки объясняет существующие многочисленные неопределенности в содержании этой дисциплины.

Если проанализировать Государственный образовательный стандарт 2000 г. по специальности 350500 – Социальная работа, то можно заме-